

Хотя Линь Цинюй не считал Шэнь Хуайши другом, но все же понимал его опыт. Шэнь Хуайши и Сяо Чэн знали друг друга с детства. Он совершенствовал своё мастерство в боевых искусствах, чтобы защитить принца, и он уже поставил себя в положение верного слуги. Шэнь Хуайши был упрямым человеком, и Сяо Чэн спас ему жизнь. Таким образом, в отношениях с наследным принцем он был очень послушным и покорно подчинялся.

Честно говоря, Шэнь Хуайши был очень квалифицированным слугой. Но он хотел не верного слугу Сяо Чэна, скорее, он хотел шахматную фигуру, которая могла бы убить наследного принца. К настоящему моменту он много раз пытался, но все безрезультатно. Если он хотел использовать способности Шэнь Хуайши для себя, словесной стимуляции было недостаточно, требовались более жестокие методы.

Встретившись с молчанием Шэнь Хуайши, Линь Цинюй не стал продолжать. «Покажи мне свою рану».

Мазь, которую использовал Шэнь Хуайши, обычно использовалась наложницами во дворце после того, как они впервые получили милость императора. Из этого можно было предположить, что рана Шэнь Хуайши была в месте, которое было слишком неловко упоминать.

Шэнь Хуайши внезапно поднял голову. Краснота, которая только что исчезла с его лица, снова поднялась. Он был слишком потрясен, чтобы говорить.

Линь Цинюй равнодушно сказал: «Как лекарь, нет ничего, чего я никогда не видел».

Шэнь Хуайши резко встал и быстро сказал: «Это всего лишь незначительная рана. Мне еще нужно кое-что сделать...»

«Даже с твоим телосложением, ты уже достиг точки, когда тебе пришлось прийти за лекарством в Зал Тысячи Трав. Это означает, что травма определенно нелегкая. Не нужно возражать, я не интересуюсь мужчинами», — сказал Линь Цинюй и бессознательно замолчал, смутно почувствовав, что что-то не так.

Шэнь Хуайши чуть не опустился на колени и умолял Линь Цинюй замолчать: «Спасибо, императорский лекарь Линь, я лучше вернусь к себе».

Как только он обернулся, то услышал мужской голос из-за двери. «Уже так поздно. Кто там говорит?»

Линь Цинюй узнал голос лекаря шестого класса Хун Чанфэна. Он и Хун Чанфэн поссорились из-за задержки с доставкой противоядия. Раньше Хун Чанфэн был относительно сдержанным. Но с тех пор как отец Линь Цинюй был понижен в должности, Хун Чанфэн больше не скрывал своей ненависти к нему – постоянно бросал перед ним «супруга-мужчина», назначая ему смены по вечерам, посылая его выполнять задачи, которые обычные люди не хотели бы делать.

Например, осматривать самую вспыльчивую и злую старую тайфэй* во дворце или брать на себя самые отвратительные болезни.

[Примечание: Тайфэй – наложница покойного императора.]

Линь Цинюй было все равно. Вероятно, на нем сказывалось влияние Ху Цзи, теперь он одинаково относился ко всем пациентам; даже если это был раб, это все равно была жизнь. Но если Хун Чанфэн хотел поссориться с ним за пределами этих вопросов, он не собирался отступать.

Конечно же, как только Хун Чанфэн увидел его, то впился взглядом и сказал: «Комендантский час уже прошел, зачем вы прокрались в Зал Тысячи Трав?»

Линь Цинюй холодно сказал: «Император позволил мне свободно входить и выходить из Императорской медицинской канцелярии. Вы знаете значение слова „свободно“?»

Хун Чанфэн был ошарашен, не в силах возразить. Не желая терять лицо, он указал пальцем на Шэнь Хуайши и спросил: «Кто ты, и что держишь в руке?»

Шэнь Хуайши поджал губы. По-видимому, он не хотел раскрывать свою личность. Линь Цинюй сказал: «Он мой друг».

На мгновение Шэнь Хуайши застыл, ошеломленно глядя на профиль Линь Цинюй, в его всегда смиренных глазах появился блеск.

Хун Чанфэн подумал, что у него наконец-то есть что-то на Линь Цинюй, и поспешно выпалил: «Император разрешил свободный вход и выход в Императорскую медицинскую канцелярию вам, но не вашим друзьям. Линь Цинюй, вы привели постороннего посреди ночи и даже позволили своему другу забрать вещи из Зала Тысячи Трав. Неужели вы не уважаете правила?»

Шэнь Хуайши открыл рот, чтобы объяснить, но был остановлен словами Линь Цинюй: «Это была моя небрежность. Завтра я пойду к Чу Юань Пану, чтобы признать свою ошибку и попросить наказания. Шэнь-сюн, сначала верни лекарство».

Хун Чанфэн самодовольно улыбнулся. «Вам лучше пойти самому, иначе не вините меня за то, что я пренебрегаю дружбой между коллегами».

После того как Хун Чанфэн ушел, Шэнь Хуайши виновато сказал: «Это я втянул вас в это дело».

«Необязательно. — Линь Цинюй слегка улыбнулся. — Может быть, ты только что помог мне».

Шэнь Хуайши удивился: «Помог?»

«Да или нет, зависит от того, насколько наследный принц заботится о тебе».

Шэнь Хуайши тихо сказал: «Как Его высочество может заботиться обо мне?»

Линь Цинюй никак не прокомментировал его слова, лишь ответив: «Узнаем, как только проверим».

На следующий день в Императорской лечебнице Хун Чанфэн постоянно смотрел на Линь Цинюй. Во время обеда он не забыл «любезно» напомнить ему: «Императорский лекарь Линь, когда вы собираетесь пойти к Чу Юань Пану, чтобы получить наказание?»

Линь Цинюй даже не посмотрел на него. «Уже иду».

Чу Чжэндэ не сидел с обычными императорскими лекарями в Императорской лечебнице, у него была своя комната. Не так давно эта комната принадлежала отцу Линь Цинюй.

Линь Цинюй постучал в дверь, услышал «войдите», толкнул дверь и вошел: «Чу Юань Пань».

Чу Чжэндэ писал рецепт для императора, и даже если бы он писал, пока его волосы не поседел и не выпали, он не смог бы придумать ничего свежего и полезного. Он сдержал свое разочарование. Увидев, что это был Линь Цинюй, естественно, он не показал хорошего выражения лица. «О, какой редкий гость. Императорский лекарь Линь никогда не проявлял уважения к этому старику*. Для того чтобы вы пришли ко мне, у вас должно быть что-то важное для обсуждения».

[Примечание: 吾 / wū. 1) я (пожилой человек о себе). 2) я (о себе при обращении к младшим). старый муж «Этот старик», ссылаясь на себя.]

Линь Цинюй пришел не для того, чтобы вести пустые разговоры. Он сразу перешел к делу: «У меня есть метод, который может улучшить состояние Его величества».

Чу Чжэндэ пристально посмотрел на него.

«У тебя? Что ты можешь сделать? — Не дожидаясь ответа Линь Цинюй, он сказал: — Может быть, как и твой отец, ты хочешь использовать Гу на Сыне Неба?»

Линь Цинюй сказал: «Чу Юань Пань должен четко знать в своем сердце, бесполезна ли техника Гу с южной границы или нет».

Старик умерил сарказм в своих речах, и его отношение стало более искренним.

«Центральные равнины находятся далеко от южной границы, и когда простые люди слышат о Гу, они сразу же отвергают его. Кроме того, было дело о том, что императорская наложница замышляла убить предыдущего императора с помощью Гу. Его величество остается правителем своей земли, как императрица и наследный принц могли позволить этим грязным существам проникнуть в тело Его величества?»

«Если это „грязное существо“ умрет, а затем вы разотрете его в порошок и используете в качестве лекарства, хотя эффект не так хорош, как у живого Гу, он все равно может облегчить страдания от головной боли».

Чу Чжэндэ с усмешкой сказал: «Для молодых людей всегда так легко говорить глупости. Нет ни медицинских добавок, ни рецептов. Вы смеее позволить Его величеству использовать мертвого Гу, в чем разница между этим и убийством императора?»

«Вместе с лекарем с южной границы мы уже нашли подходящую медицинскую добавку и сформулировали рецепт. — Линь Цинюй достал из рукава результаты совместной работы в течение последних нескольких дней. — Это рецепт и дозировка».

Чу Чжэндэ был ошеломлен. Он недоверчиво посмотрел на Линь Цинюй, затем схватил рецепт, жадно глядя на него.

«Чу Юань Пань может сначала проверить лекарство, а затем принять решение. — Линь Цинюй равнодушно сказал: — Тогда я уйду».

Пока Линь Цинюй и Чу Чжэндэ разговаривали, Ху Цзи отправился в Восточный дворец. Сяо Чэн был обеспокоен протестом военных чиновников в последнее время и в течение последних двух дней не мог спать. Этим утром, когда принц пришел отдать дань уважения наложнице Чэнь, она заметила, что цвет его лица не очень хорош, и приказала Ху Цзи отправиться в Восточный дворец для проверки.

Ху Цзи проверил пульс Сяо Чэна и сказал: «Ваше высочество в порядке, но вял из-за слишком малого сна. Этот чиновник пропишет Вашему высочеству успокаивающее лекарство. После приема лекарства Ваше высочество должно лучше спать».

Сяо Чэн закрыл глаза и поднял руку, чтобы дать сигнал Ху Цзи уйти, но тот снова заговорил: «У этого скромного чиновника есть еще одно дело, о котором нужно доложить Вашему высочеству».

«О? — Сяо Чэн открыл глаза и медленно произнес: — Ты, императорский лекарь, о чем ты можешь доложить нам?»

«Прошлой ночью императорский телохранитель Шэнь пришел в Императорскую медицинскую канцелярию, чтобы получить лекарство, но его выгнал императорский лекарь Хун Чанфэн. Рана императорского телохранителя Шэня казалась не легкой, он очень неловко шел. Позже, когда этот скромный чиновник спросил, то узнал, что он был одним из людей Вашего высочества. — Ху Цзи достал из своей аптечки коробку мази. — Этот скромный чиновник беспокоился, что из-за этого императорский телохранитель Шэнь может задержать лечение, поэтому сегодня я принес лекарство сюда».

Сяо Чэн был в плохом настроении. Услышав, что над его теневым стражем кто-то издевался снаружи, наследный принц нахмурился и холодно произнес: «Значит, произошло такое».

Ху Цзи почтительно сказал: «Императорский лекарь Хун не знал о личности императорского телохранителя Шэнь и думал, что он вор, который пробрался внутрь. Вот почему возникло такое недоразумение».

Вчера Сяо Чэн выместил свою злобу на Шэнь Хуайши. Он не ожидал, что тот еще даже не принял лекарства.

«Что за идиот».

В Императорской лечебнице Хун Чанфэн, вытянув шею, наблюдал, как Линь Цинъюй выходит из комнаты Чу Чжэндэ, предвкушая хорошее развлечение. Неожиданно он получил не развлечение, а приказ наследного принца.

«Хун Чанфэн был небрежен в своих обязанностях и проявлял неуважение к наследному принцу. Отныне он освобождается от должности императорского лекаря и никогда больше не сможет занять ее».

Глаза Хун Чанфэна расширились, и он рухнул на пол. Прежде чем он успел понять, что произошло, его уже вытащили два евнуха.

Время быстро летело, и вот генералы поднимают шум уже три дня подряд. Многие гражданские чиновники больше не могли этого выносить и ради стабильности двора посоветовали наследному принцу прекратить расследование дела генерала Гу. После столь долгого расследования ничего не было найдено, вместо этого дело генерала повергло суд в смятение; продолжать настаивать было действительно неразумно. Однако наследный принц был упрям, молод и энергичен. Ему не нравилось, когда его заставляли сдаваться, он отчаянно защищал свое достоинство наследного принца. Итак, дело зашло в тупик.

Когда Линь Цинъюй и Гу Фучжоу заговорили об этом, и генерал, скорбя и сокрушаясь, сказал: «Как они могли так смутить наследного принца? Я слышал, что из-за этого вопроса наследный принц был так зол, что ему нужно было показаться императорскому лекарю. Если наследный принц столкнется с каким-то неожиданным несчастьем, как мне встретиться с народом этой земли. Единственное, что я мог бы сделать, это извиниться своей смертью».

Двое охранников отряда Тяньцзи, охранявших дверь, молча переглянулись.

Первые несколько раз, когда Линь Цинюй доставлял лекарство, Гу Фучжоу стоял. Позже он обычно сидел. Сегодня Гу Фучжоу... лежал.

Линь Цинюй сказал: «Генерал, встаньте и выпейте свое лекарство».

Гу Фучжоу, который уже закончил горевать и причитать, лениво сказал: «Императорский лекарь Линь, пожалуйста, принесите лекарство сюда».

Линь Цинюй принес лекарство к его кровати. Гу Фучжоу поднял голову. Он даже не полностью поднялся. Он допил свое лекарство в таком положении, затем передал чашу с лекарством обратно Линь Цинюй, мирно откинувшись на спину.

Линь Цинюй не мог не спросить: «Как долго генерал спал сегодня?»

«Я был в постели с обеда».

«Тогда где же вы обедали?»

Гу Фучжоу подмигнул и ответил: «В постели».

Генерал подмигнул. Этот жест, появившийся на серьезном и суровом лице высокого и внушительного тридцатилетнего высокого мужчины, был... Линь Цинюй просто не мог смотреть на него.

«Генерал, так дальше не может продолжаться. Это было бы нормально, если бы вы были больным ребенком. Сейчас вы сильный и здоровый мужчина. Как вы можете каждый день просто лежать здесь и ничего не делать. Только не говорите, что вы действительно хотите быть калекой?»

«Сказать по правде, императорский лекарь Линь, с тех самых пор как я смог забрать свою жизнь у владыки Янь-вана*, на меня снизошло прозрение».

[Примечание: 阎王 / yánwángué. Владыка ада.]

«Что понял генерал?»

«Если мечта человека – быть бездельником, то в чем разница между этим и жизнью свободной от всех забот и тревог?»

«...»

Гу Фучжоу протяжно вздохнул.

«Вы не знаете, какими были мои прошлые дни. Я просыпался раньше петухов и ложился спать позже собак. В течение дня я страдал, разбираясь с трудностями своих подчиненных, и когда наконец мог поспать ночью, то сталкивался с тайными атаками вражеских войск. Нет ни одной спокойной минуты, которую я мог бы провести в постели. Я вынужден встать и бежать, спасая свою жизнь. Можете ли вы представить себе такие страдания? — Гу Фучжоу снова подчеркнул: — Я не мог оставаться в постели даже на мгновение!»

Линь Цинюй не смог сдержать улыбку. «Так вам и надо».

Гу Фучжоу посмотрел на него и улыбнулся, не в силах сдержаться. Хотя он ясно знал, что угроза еще не полностью устранена, он все же сказал имя, о котором думал все время, пока был жив: «Цинюй...»

В груди Линь Цинюй стало жарко. Он знал, что сейчас не лучшее время, но не мог не ответить ему: «...Хм?»

«Ты сильно похудел. — Гу Фучжоу не хотел делать атмосферу слишком грустной и с улыбкой добавил: — В то время как я стал намного сильнее. Ты сердисься?»

Линь Цинюй: «...»

Он был зол - так зол, что хотел отравить Цзяна и заставить его снова заболеть.

<http://bllate.org/book/15122/1336672>